

СЭНДЭНЖАВЫН ДУЛАМ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Мифы мира. Самые сказочные истории человечества

Сэндэнжавын Дулам
Монгольские мифы

«ЭКСМО»

2023

УДК 398.21(517.3)
ББК 82.3(5Мон)-6

Дулам С.

Монгольские мифы / С. Дулам — «Эксмо», 2023 — (Мифы мира. Самые сказочные истории человечества)

ISBN 978-5-04-197335-3

Это уникальное издание приглашает вас познакомиться с мифологией древнейшей кочевой цивилизации мира. Сюжеты монгольских мифов, многие из которых публикуются на русском языке впервые, служат неисчерпаемым источником вдохновения для всех поклонников истории могучего Чингисхана и просто кладезем мудрости монгольского народа. Истории о божествах-тэнгриях и прославленных богатырях, о чудовищах-людоедах и спасительной мудрости позволят погрузиться в эпический мир древних монгольских сказаний. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 398.21(517.3)

ББК 82.3(5Мон)-6

ISBN 978-5-04-197335-3

© Дулам С., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Введение. Образы мифологии монгольских кочевников	6
Глава 1	10
Образ-фетиш, образ-тотем, образ-дух – древнейшие образы монгольской мифологии	10
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дулам Сэндэнжавын Монгольские мифы

© Сэндэнжавын Дулам, текст, 2023

© Сэндэнжавын Дулам, фото, 2023

© Давлетбаева В.В., обложка, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Введение. Образы мифологии монгольских кочевников

Известно, что мифология является древнейшей формой и своеобразным выражением художественного мышления человечества. Она представляет собой совокупность мифологических рассказов, выражающих первые попытки разьяснения причин непонятных древнему человеку явлений природы и общества, его взгляды на окружающий мир. Эти первые попытки осмыслить окружающее и первые взгляды в мифологии приобретают формы как реалистические, так и фантастические.

Монгольская мифология, как и мифология других народов, – часть художественного мышления всего человечества, развивавшаяся в конкретно-исторических условиях. Монгольская мифология как цельная образная система, имеющая свою внутреннюю структуру, прошла три исторических этапа своего развития: дошаманский, шаманский, послешаманский¹. В этой книге мы расскажем о дошаманском этапе истории монгольской мифологии, отличительной особенностью которого было «формирование общей картины мира»². Реконструкция этой первоначальной картины мира будет нами осуществлена с помощью устных и литературных памятников в исконно монгольских образах мифологии монголоязычных народов. Российский читатель познакомится с некоторыми итогами многолетнего изучения автором книги генезиса и поэтапной эволюции монгольской мифологии.

В процессе изучения монгольской мифологии можно выявить все истоки человеческого знания. Она представляет собой особый синкретизм раннего искусства, первобытных верований, донаучных представлений о мире, еще не дифференцированных.

Несомненно, на генезис монгольской мифологии оказали большое влияние такие первобытные верования, как фетишизм, тотемизм, анимизм. Однако самым главным источником появления мифов оказались разные явления природы и отношения в обществе, реально существовавшие на стадии первобытно-общинного строя, трансформированные в фантастических образах, рожденных мифологическим мышлением древних монголов.

Хотя при беглом знакомстве причудливая фантастичность монгольских мифов, первоначально выраженных в зооморфных, затем в антропоморфных образах, мало похожа на действительность, сама эта фантастичность основана на реальности; эти мифологические рассказы воспринимались древними монголами-кочевниками как реальность, ибо они имели не столько умозрительные, сколько практические цели.

* * *

Сложность изучения мифов заключается в том, что они возникли в период дикости, через который прошло в отдаленные века все человечество³. За этот долгий путь они претерпели значительные изменения, проникли в самые различные области человеческой культуры. К сожалению, у монголов не было традиции мифографии, как у греков и индусов (например, древнегреческая «Теогония» Гесиода или древнеиндийские «Веды»). Такое положение заставляет нас обращаться к древнейшим слоям, сохранившимся в устных и литературных памятниках, которые первоначально могли быть связаны с мифом.

¹ Жуковская Н. Л. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. – М.: Наука, 1980. С. 93.

² Там же, с. 98.

³ Тэйлор Э. Первобытная культура. – М.: Соцэргиз, 1939. С. 206.

К примеру, монголы с ранних времен фиксировали элементы своей мифологии во введениях к историко-литературным сочинениям и в других памятниках письменности. Историко-литературный памятник XIII века «Монголын нууц товчоо» («Сокровенное сказание монголов») сохранил мифы о тотемистических предках монголов⁴, о происхождении монгольских родов и племен.

И другие исторические сочинения, такие как «Алтан товч» («Золотой свод») Лувсанданзана, «Эрдэнийн товч» («Драгоценный свод») Саган сэцэна, «Эрдэнийн эрхи» («Драгоценные четки») Галдана, «Цагаан туух» («Белая история»), «Шар тууж» («Желтое повествование») неизвестных авторов, обычно начинаются с мифологического введения. Правда, мифология последних тесно связана с индийской и тибетской традицией, но сильно измененной, перемешанной с исконно монгольской. Эти черты особенно ярко проявляются в мифах о происхождении Вселенной и человека, затем в рассказах о первых мифических ханах.

Для серьезного знакомства российских читателей с мифологией монгольских народов как художественного целого автором были записаны непосредственно от сказителей исчезающие, а также ранее неизвестные сюжеты мифов. Этот новый материал был дополнен ранее опубликованными вариантами мифов многих монголоязычных народностей: халхасцев, ойратов, бурят, хорчин, монголов и других, а также материалами, касающимися мифологических образов из различных произведений монгольского фольклора и литературы: обрядовой лирики, эпоса, летописей, сказок, легенд, преданий.

* * *

В первой главе нашего повествования речь идет о генезисе монгольской мифологии, зарождении ее архаичных образов, таких как образ-фетиш, образ-тотем, образ-дух. В качестве примеров этих образов приводятся: *образ-фетиш* «разбивающего камня», приведший к появлению мифов о чудодейственных камнях; *образ-тотем* прародительницы монголов – Каурой лани (Хоо марал) – главной героини древних монгольских генеалогических мифов; *образы-духи (гении-хранители)*: дух – покровитель огня – Отхан Галайхан эхэ, дух – покровитель охотничьего промысла и зверей Манахан тэнгри и другие образы-духи древнемонгольской мифологии.

Процесс дальнейшей эволюции монгольской мифологии связывается с появлением на более высоком уровне развития общества антропоморфных божеств, прародителей всех живых существ, создателей мира, таких как божество Земли – мать Этугэн и божество Неба – отец-Вечное Небо (Вечный Всевышний Тэнгри). Они – первая божественная пара, породившая все другие божества.

Следующая ступень развития монгольской мифологии, о которой идет речь в нашей книге, характеризуется переходом от единобожия к множеству, что проявилось в образе божества Милиян тэнгри, а также в так называемом последнем поколении, т. е. множестве 99 божеств-тэнгриев мифического пантеона монголов.

В книге даются характеристики таким божествам-тэнгриам мифического пантеона древних монголов, как Багатур тэнгри, Дайчин тэнгри и Кисаган тэнгри. Первого древние монголы-кочевники считали своим главным защитником от внутренних и чужеземных врагов, он вселял мужество в воинов. Во время походов монголы молились другому божеству, а именно Дайчин тэнгри – «божеству-воителю». Победу приписывали третьему божеству – Кисаган тэнгри.

Далее в нашей книге повествуется о культурах Солнца и Луны, существовавших у кочевников-монголов с древних времен и упоминающихся в различных монгольских источниках и

⁴ Сокровенное сказание монголов // Чингисиана. Свод свидетельств современников. – М.: Эксмо, 2009. С. 50.

памятниках. В частности, еще Плато Карпини⁵ во времена Чингисидов отметил в своих заметках, что монголы «набожно поклоняются Солнцу и Луне». Он же заметил, что монголы называли Луну «*Великим владыкой*», а Солнце – «*Матерью Луны*», светящейся от лучей Солнца. Отсюда видно, что солярный и лунарный культы, еще с хуннских времен существовавшие у монголов, сохранились у них вплоть до Средневековья. Значит, мифы о Солнце и Луне, естественно, должны предшествовать культуре.

Рассказывая о различных вариантах мифа о происхождении Солнца и Луны, мы не могли не упомянуть об условиях жизни наших далеких предков, когда они жили в норах. Такое архаическое представление о первоначальной жизни человека редко встречается в мифологии других народов. Это может быть связано с более древним антропогенезом. И в других солярно-лунарных мифах монголов представлены также довольно архаические мотивы о «добывании» небесных светил из ящика, о «доделывании» их культурными героями или же о биологическом порождении их демоническим существом.

Вторая глава нашей книги повествует о многочисленных образах монгольских астральных мифов, которые повествуют о происхождении таких созвездий, как Большая Медведица, Орион, галактики Млечный Путь. Представленные в книге мифические элементы из шаманских текстов свидетельствуют о великом почитании древними монголами созвездия Большой Медведицы. Из астрального мифа о Млечном Пути становится ясно, что древнемонгольские роды и племена по-разному представляли себе происхождение небесных тел и звезд.

Проанализированный далее нами цикл астральных мифов о появлении галактики Млечный Путь, созвездия Орион и других позволил сделать вывод о том, что в этом цикле отражены природные явления, происходившие перед глазами кочевников, и социальные события, связанные с Великим переселением народов. Эти явления вызывали у кочевников стремление творчески осмыслить тайны природы и общества в их взаимосвязи и взаимодействии. Они не отделяли явления природы и общества друг от друга.

Третья глава нашей книги посвящена космогенезу в монгольской мифологии, т. е. мифам о сотворении мира. Как известно, почти вся мифология Древнего мира констатирует, что Хаос является первоначальным, неупорядоченным состоянием космоса. Мифологическая концепция монгольской космологии не исключает это положение. Во всех анализируемых в книге версиях и вариантах монгольского мифа о сотворении мира, как правило, упоминается о первоначальном космическом океане; в них конкретизировано участие в сотворении мира двух или трех творцов и демиургов, которые моделируют верхнее небо и нижнюю землю. В ходе и в результате сотворения мира между ними возникает непримиримое противоречие. В монгольских мифах о сотворении мира дается ответ на вопрос: «Откуда и как берется суша в монгольской мифологии?» Для многих вариантов этих мифов весьма характерен сюжет о ныряльщике (в различных вариантах мифа – лягушка, птица, рыба), доставшем землю со дна Мирового океана.

* * *

В заключение можно сделать вывод о том, что представленные в нашей книге вниманию российского читателя образцы архаических хтонических⁶,

⁵ Джованни дель Плато Карпини (1182–1252) – итальянский монах-францисканец, который первым из европейцев в 1245–1247 гг. посетил Монгольскую империю и оставил описание своих путешествий.

⁶ Хтонические (*греч.* Χθων – «земля») мифы повествуют о божествах, которые так или иначе были связаны с производительными силами земли или с подземным миром. Хтонический в мифологии – это олицетворяющий дикую мощь земли или подземного царства.

уранических⁷, астральных и космогонических мифов, бытующих с древнейших времен до наших дней, свидетельствуют о наличии богатейшей и своеобразной мифологии у монголов, представителей древнейшей кочевой цивилизации. Ее создатели отличались чрезвычайной наблюдательностью, при этом отдавали предпочтение небу и небесным персонажам, что было непосредственно связано с их кочевым образом жизни.

Когда на современном этапе развития науки истинные причины разных явлений природы и общества становятся понятными и общеизвестными, тогда подрываются корни мифологии и мифотворчества; в дальнейшем мифология больше не может служить средством выражения мировоззрения, мирозерцания. И тем не менее для нас, монголов, монгольская мифология навсегда останется бесценным наследием древнейшей кочевой цивилизации, «арсеналом и почвой возникновения и развития искусства»⁸, источником вдохновения современных художников и литераторов.

⁷ Уранические (др. – греч. Οὐρανός – «небо») мифы повествуют о Небесных владыках, главенствующих в мире.

⁸ Маркс К. Из экономических рукописей 1857–1858 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 12. С. 737.

Глава 1

Генезис пантеона монгольской мифологии

Образ-фетиш, образ-тотем, образ-дух – древнейшие образы монгольской мифологии

Сознание древнего человека характеризовалось образным мышлением, которое отличалось от представлений современных людей тем, что предмет или явление, их образ, действие и, наконец, мысль об этом предмете или явлении по отдельности друг от друга абстрактно не осознавались.

Некоторые интересные факты, позволяющие установить начало генезиса монгольской мифологии в далекой древности, поначалу передавались изустно, а затем были зафиксированы в дошаманских памятниках. Так, в одном из них говорится:

*Прошу благоденствия
у хозяев⁹ протянувшихся вдаль горных хребтов,
у хозяев стремительно текущих рек,
у хозяев оцетинившихся своими вершинами
горных хребтов,
у хозяев деревьев с раскидистыми ветвями,
пышно растущих трав.*

*Прошу благоденствия
у хозяев текущих рек,
у хозяев пугающих водоворотов в излучинах рек,
у хозяев дующего ветра,
у хозяев лежащего камня¹⁰.*

При вдумчивом рассмотрении этого фрагмента можно обнаружить своеобразный комплекс: **образ – действие – объект (явление) – мысль**. Здесь объекты и явления природы (*гора, трава, деревья, вода, ветер*), их образ (*протянувшийся вдаль; стремительно текущий; возвышающийся вершинами; с раскидистыми ветвями, пышно растущий и т. д.*) и их действия (*оцетинившийся; текущий; растущий; пугающий; дующий; лежащий*) вместе с их одухотворением (*хозяева*) представляют собой некое диффузное явление, иначе говоря, их совокупность.

Именно такой этап развития человеческого сознания весьма характерен для возникновения художественного образа и искусства. По данным археологической науки, со времени ашельского периода, т. е. 250 000–300 000 лет¹¹ тому назад, на монгольской земле донеандертальский человек в течение среднего и верхнего палеолита создавал свою самобытную культуру¹². Открытия, сделанные в уникальной пещере Хойд Цэнхэр в Кобдоском аймаке, подтверждают наличие палеолитического искусства у предков монголов. Изумительные по реа-

⁹ В этом обращении к хозяевам гор, рек и т. д., относящемся к эпохе дошаманских верований, имеются в виду духи-покровители всех этих частей природы.

¹⁰ Odun tengri-yi uriqu takiq sudur orusiba. Рукописный фонд Восточного факультета ЛГУ. Инв. 634, монг. Д-162, ХуЛ Q-456.

¹¹ Дорж Д., Цэвэндорж Д. Монголын палеолит (Палеолит Монголии). – Улаанбаатар: ШУАХ, 1978. С. 90.

¹² Там же.

листическому исполнению рисунки, сделанные охрой, отличаются от других памятников азиатского региона той же эпохи специфическим мастерством. В них нет изображения человека, что доказывает принадлежность рисунков периоду палеолита. И еще в рисунках пещеры Хойд Цэнхэр, кроме ныне обитающих, изображались животные, которые жили и были уничтожены в начале четвертичного периода.

Изображения животных и птиц (горных баранов, козлов, лошадей, страусов, слонов (или мамонтов)) в пещере Хойд-Цэнхэрийн-агуй

Впервые человек начал отделяться от природы на этапе собирательно-охотничьего образа жизни. В это время люди почти ничего не производили для себя, а лишь пользовались готовыми продуктами природы. Их орудиями труда были простые камни. Постепенно животный инстинкт предков приобрел признаки человеческого сознания. Первоначально это было непосредственное чувственное восприятие, «простая фиксация единичных предметов физического сознания»¹³.

¹³ Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении: в 3 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 1: Образ, метод, характер. С. 187.

Вышеупомянутый фрагмент древнего памятника как раз и свидетельствует о выделении человеком этой горы, этой травы, этого дерева, этой реки, этого ветра, этого камня и т. д. Но вещи предстают не сами по себе, а как силы, как скрытые возможности воздействия на человека¹⁴ и на другие предметы внешнего мира.

Поверье монголов о «*задын чулуу*» (*бурят. «задай шулуун»*), дословно – о «*разбивающем камне*», сохраняет отголоски именно таких представлений. Вероятно, в первоначальном восприятии *задын чулуу* должен был мыслиться как камень, с помощью которого человек сможет разбивать любую твердость и уничтожить любое чудовище. Именно в этом его таинственная сила. Первобытный человек выделяет из объективных качеств предмета то, что имеет непосредственное отношение к его практическому использованию¹⁵. Он превращает вещи в фетиш¹⁶. Именно с этого момента начинается становление *образа-фетиша*, древнейшего образа монгольской мифологии. Понятие о *задын чулуу* у монголов не что иное, как образ-фетиш. Твердость камня (как одно из качеств) первобытные люди воспринимали не по объективному качеству, а видели в ней особую сверхсилу.

Задын чулуу – «Разбивающий камень»

Разбивающий камень – задын чулуу – у древних монголов отождествляется и с молнией, и с грозой. Во всей Монголии распространено поверье о камне, который имеет способность низвергать дождь с неба. Дербеты называют его дзада, урянхайцы и алтайцы – джада. Некоторые говорят, что его находят на горах, другие – в голове змеи, в головах зверей, например изюбря, или птиц – утки и пр. Находят камни дзада и в животе быка. Цветом они бывают черные и полосатые, а величиной иногда с кулак¹⁷.

Таким образом, у *разбивающего камня (задын чулуу)* первоначально олицетворялось его объективное качество – твердость, которая позволяла убивать животных и обрабатывать предметы. Впоследствии ему уже приписывалась способность оказывать влияние на любые явления неба и земли. К примеру, автор «Сокровенного сказания монголов» (1240 г.) повествует о попытке вражеского шамана погубить войско Чингисхана, обрушив на него с помощью *задын чулуу (разбивающего камня)* хляби небесные:

«А назавтра сошлись две рати в сражении в урочище Хойтэн. И бились они, попеременно тесня друг друга; Буйруг-хан и Хутуга владели волшебством разбивающего камня обрушивать ненастье на врагов своих. И принялись они шаманить, вызывая ливень или ураган на головы ратников Чингисхана. Но разверзлись хляби небесные над ними самими. И скользили их ноги и вязли в непролазной грязи. “То гнев небесный пал на нас!” – возопили они, и разбежалось воинство Жамухи в разные стороны»¹⁸.

Древние монголы превратили в образ-фетиш не только *разбивающий камень*, но и *ветви деревьев и ивовые прутья-бургас*, также обладавшие, по их разумению, тайной внутренней силой. Из них древние кочевники начали изготавливать пруты для взбивания шерсти, заградительные преграды-рогатки, стрелы, копья и прочие орудия и домашние принадлежности, крайне необходимые им в повседневной жизни.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Фетиш (*фр. fétiche от порт. feitiço – «амулет», «волшебство»*) – предмет, вещь, становящаяся объектом поклонения, фетишизма.

¹⁷ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883. С. 189. Далее – Потанин Г. Н. Очерки...

¹⁸ Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. – М.: Эксмо, 2009. С. 107.

Христианский миссионер Плато Карпини, побывавший в Монгольской империи в середине XIII века и засвидетельствовавший традицию, освещавшую фетишизированные кусты, деревья, их ветви, писал: *«Мы видели также, что Узэдэй-хан, отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души¹⁹, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал, если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию, снятию одежды и злым побоям. И, хотя мы сильно нуждались подогнать коня²⁰, мы не смели срезать ни одного прута»²¹.*

¹⁹ У монголов-шаманистов наблюдался культ деревьев, которые были, по их представлению, местом обитания гениев. Существовал не только культ отдельных деревьев, но были целые священные рощи, где запрещалось не только охотиться, но куда нельзя было даже и входить. О культе куста у монголов имеются сведения в русских летописях.

²⁰ Т. е. «нам был нужен прут, чтобы погонять коня...» – *Прим. ред.*

²¹ *Иоанн де Плато Карпини. История монголов.* – М.: ООО «Литео», 2014. С. 11.

Камлание монгольского шамана

В древнемонгольских преданиях, посвященных поклонению огню, кусты, деревья, их ветви упоминаются с большим почтением:

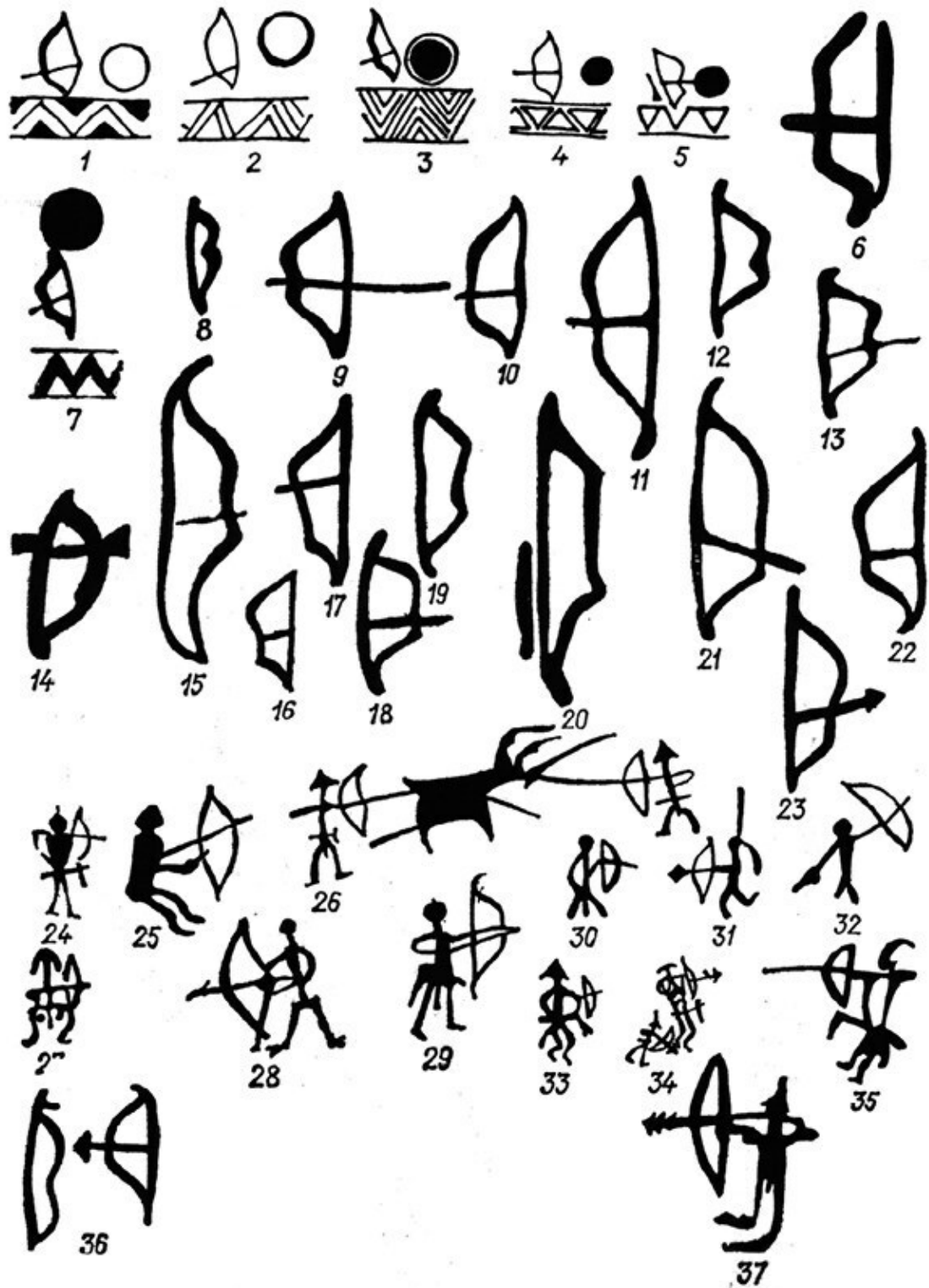
*Один человек – еще не всемогущ,
Одна щепка не превратится в огонь.
Два человека, объединив силы,
Превратятся во всемогущего человека.
Применив в деле сразу две щепки,
Разожжешь огонь²².*

Впоследствии использование ветвей деревьев и ивовых прутьев древнемонгольскими мастерами для изготовления стрел и копий послужило поводом для появления многочисленных мифов о «быстрокрылых белых стрелах» и их хозяевах – метких стрелках.

Неслучайно и то, что главными героями монгольских мифов о звездах и планетах являются те же меткие лучники. А сами стрелы в монгольских мифах и легендах прославлялись как самое дорогое и священное оружие воинов-монголов, которого враги пытались лишить их в первую очередь.

Свое почтенное отношение к стрелам засвидетельствовал и неизвестный автор историко-литературного памятника XIII века «Сокровенное сказание монголов». В рассказанной им легенде об Алан гоо прородительница «золотого рода» Чингисхана, давая наставление своим сыновьям крепить дружество, использует как раз стрелы:

²² Сборник народного фольклора (на монг. яз.). – Улан-Батор, 1949. С. 149.

Луки и стрелы на оленних камнях (1–23) и петроглифах (24–35, 37) Монголии

Мать Чингисхана Огэлун пересказывает своим сыновьям легенду об Алан гоо. Панорама. Музей города Хух-хот (КНР)

«Алан гоо однажды по весне сварила вяленое мясо, накормила им сыновей своих – Бэгуцудэя, Бугунцудэя, Бугу хатаги, Бугуту салжи и Бодончар мунхага, посадила их в ряд перед собой и, дав каждому из них по стреле, сказала: “Преломите!” Что те легко и сделали. Когда же Алан гоо, связав пять стрел вместе, дала каждому из них со словами: “Преломи!” – никто из них не смог сломать связку...

И заповедала им мать Алан гоо: “Из чрева родились не одного ли вы, пятеро сынов моих?! И коли разлучитесь вы друг с другом, любой из вас легко врагом повержен будет; точь-в-точь как та стрела, которую вы с легкостью такую преломили. Но коль родство и дружество меж вами укрепятся, вы уподобитесь той связке стрел, которые не так уже легко сломать; и вас, сыны мои, не просто будет одолеть злым силам”»²³.

На этих примерах мы наглядно видим, как из восходящих к образу-фетишу обыкновенных ветвей деревьев и ивовых прутьев, которые были орудиями труда древних монголов, их художественное мышление создало многогранные образы стрел.

В свою очередь, отметим, что истоки мифологии первобытного общества восходят именно к этому фетишистскому олицетворению, т. е. к **образу-фетишу**. Из фетишизации различных объектов и явлений природы постепенно выделились и архаические мифы, в том числе хтонические мифы, поскольку они всегда связаны с явлениями надземными, а также с подземными. В этот период возникли не только образ-фетиш *разбивающего камня* и образ-фетиш *ветвей деревьев и ивовых прутьев*, но и образы-фетиши *травы, цветов, воды, ветра*. К сожалению, до наших дней дошла слишком малая часть из них, которая передавалась из века в век, вбирая в себя довольно большое количество напластований.

Из этого можно сделать вывод о том, что в результате выделения из вышеназванной совокупности «**образ – действие – объект (явление) – мысль**» двух ее элементов – **образа и**

²³ Сокровенное сказание монголов // Чингисиага. Свод свидетельств современников. – М.: Эксмо, 2009. С. 52–53.

действия – и их осмысления начали образовываться первые и древнейшие формы образов – **образы-фетиши**.

Упомянутые выше мифы о «разбивающем камне», «волшебных ветвях деревьев» и «быстрокрылых белых стрелах» свидетельствуют о том, что эти древнейшие формы восходят к эпохе нижнего палеолита. И если с теоретической точки зрения считается, что зарождение мифологии начинается с фетишизма²⁴, то и зарождение монгольской мифологии должно быть связано с указанными выше ее первыми образами – образами-фетишами.

* * *

Не только предметы неодушевленной природы, но и представители живой природы воспринимались древними людьми как таинственные обладатели сверхъестественных сил. Отсюда и возникают культы зверей. Именно о них и рассказывает палеолитическое искусство: наскальные изображения зверей и птиц – петроглифы Монголии.

Ученые считают, что таким образом «древние художники пещер, находящихся на территории современной Монголии, оставили свои закодированные символы мифа... Но для того, чтобы появились символические образы, необходимо было существование мифа – определенных представлений об окружающем мире, о Вселенной. Формирование мифа, как идеологии родового общества, относится к эпохе палеолита»²⁵.

²⁴ Лосев А. Ф. Античная мифология. – М.: Гос. уч. – пед. изд-во, 1957. С. 16.

²⁵ Новгородова Э. А. Древняя Монголия. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 46–47.

Рисунки барана и антилопы (пещера Хойд-Цэнхэрийн-агуй)

В те далекие времена люди еще не отделяли себя от природы и поэтому либо считали себя ее частью, либо, как отдельные роды или племена, верили в то, что имеют общее происхождение с конкретными видами растений или животных, а иногда и с неодушевленными предметами. Между тем группы людей или же члены одного рода имели невидимую таинствен-

ную связь с каким-либо животным и поэтому запрещали его убивать, есть мясо, использовать шкуру этого животного. Это явление было порождением родо-племенного строя и явилось этапом генезиса древних верований и мифологических образов. Наглядным свидетельством тому являются творения «звериного стиля», сохранившиеся на территории Монголии, которую ученые по праву называют «подлинной и неистощимой сокровищницей наскального искусства»²⁶.

Так называемый звериный стиль с его изумительными рисунками разных животных, в том числе фантастических зооморфных изображений горных козлов, аргалов (горные бараны), различных хищников, чаще всего кошачьих (барс, рысь), редчайших в мире антилоп-сайги, кабарги, а также косуль, дзеренов, благородных оленей, изюбра, лосей, в большом количестве – быстроногих лошадей тахи (лошадь Пржевальского), кулана (дикий осел), верблюдов, собак, представителей пернатых²⁷, свидетельствует о господствующем положении культа зверей в древнем искусстве.

К интересным образцам творений «звериного стиля» можно отнести *оленные камни*, распространенные в Монголии, Забайкалье, Туве и на Алтае. Если считать, что искусство «звериного стиля» ведет свое происхождение от тотемных животных, которые почитались соответствующим родом, то резонно утверждать, что эти памятники – *оленные камни* – являются тотемом их создателей или, иначе говоря, эти люди считали, что в стародавние времена произошли от оленей.

²⁶ Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. С. 159.

²⁷ Там же. С. 118.

Изображения на оленных камнях (Монголия)

Развернутая композиция с рельефным изображением человека на оленных камнях. Вблизи города Мурэна Хубсугульского аймака (Монголия)

О том, что именно олень (лань, маралиха), изображенный на каменных изваяниях, является *тотемом* древнемонгольских родов и племен, свидетельствуют многочисленные монгольские и иностранные историко-литературные памятники. Правду сказать, автор «Сокровенного сказания монголов» в части, посвященной происхождению монголов – «Легенде о Бортэ чоно», – называет имена двух легендарных прародителей Чингисхана, а значит, и всех монголов: *Бортэ чоно и его жену Хоо марал*²⁸.

Имена этих мифологических прародителей Чингисхана, в переводе с монгольского означающие Серый Волк²⁹ и Каурая Лань, свидетельствуют о тотемизме древних монголов. Эти священные животные были объектами религиозного почитания (тотемом) древних монголов, считались их покровителями. Причем первым тотемом и прародительницей древних монголов считается Хоо марал (Каурая Лань), подтверждением чему являются упомянутые выше произведения «звериного стиля» в искусстве древних монголов – *оленные камни*.

Существует замечательное наскальное изображение Хоо марал, связанное с ритуалом почитания древнего тотема монголов. Антропоморфное изображение праматери монголов Хоо марал осталось в наскальном рисунке в пади Их Тэнгэрийи Ам. Среди изумительных реалистических рисунков животных и людей центральное место принадлежит фигуре женщины, и при этом, бесспорно, монголке по национальности, одетой в типично монгольский костюм³⁰. Очевидно, что именно она и есть прародительница монголов Каурая Лань. На это указывает соседний рисунок явно культового характера, связанный с первобытными верованиями степных племен³¹. Рядом с фигурой женщины изображена Каурая Лань с повернутой назад головой, подогнутыми к животу ногами и с длинными миндалевидными ушами.

Очевидно, это соседство было характерно для всей монгольской пещерной мифологии той эпохи; как правило, «хозяин жизни – копытное животное – показан часто в соединении с источником жизни – женщиной. В сознании палеолитического человека эти образы неделимы. Итак, в центре пещерной мифологии был образ первопредка – копытного животного. Второй по значимости персонаж палеолитической эпохи – образ женщины-матери, прародительницы, охранительницы огня, главы материнского рода. Но в пещерном искусстве-мистерии женщина выступает не только как прародительница, но и как олицетворение многообразных связей рода с животным-предком, животным – источником существования. Отсюда вытекает воплощение культа плодородия в образе двух сторон одного явления: женщины и зверя»³². Именно таким образом происходило «сложение древнего мифа, зашифрованного в изображениях диких зверей – копытных и женщин – прародительниц рода»³³.

Еще одним тотемом – прародителем древних монголов был упомянутый выше Бортэ чоно (Серый Волк). Его последующее главенствующее положение среди тотемов – прародителей древних монголов является подтверждением вывода Л. Л. Викторовой об эволюции «рода

²⁸ Сокровенное сказание монголов // Чингисияна. Свод свидетельств современников. – М., Эксмо, 2009. С. 50.

²⁹ На этой стадии религиозного развития монголов было характерно отождествление родоначальника с божеством-тотемом. Что и сделал автор «Сокровенного сказания монголов», назвав родоначальника монголов именем их тотемного кумира Бортэ чоно (Серый Волк).

³⁰ Монгольский археологический сборник. – М.: Наука, 1962. С. 70.

³¹ Там же. С. 72.

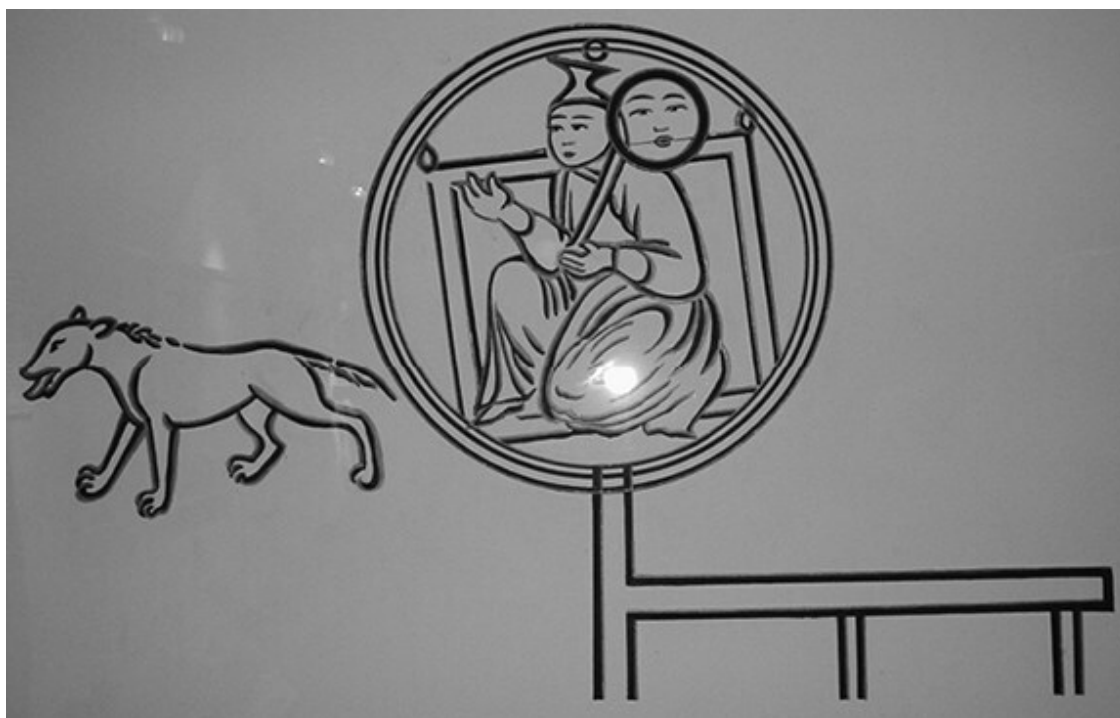
³² Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. – Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/h4UrC3HvYb>

³³ Новгородова Э. А. Древняя Монголия. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 48.

и общины у монголов, которые становятся постепенно патрилинейными, а на смену тотемическому материнскому роду приходит генеалогический отцовский род»³⁴.

А помимо «Легенды о Бортэ чоно» важным подтверждением существования **образа-тотема** Бортэ чоно является «Легенда об Алан гоо», которая, будучи использована автором «Сокровенного сказания монголов», логически продолжала «Легенду о Бортэ чоно».

В этой легенде Алан гоо попыталась развеять сомнения ее старших сыновей по поводу рождения ее троих последних детей рассказом об их небесном происхождении: *«Бэлгундэй, Бугундэй, сыны мои! У вас явились подозренья, как это ваша мать троих вам братьев народила и чьими будут эти сыновья. В своих сомнениях сыновьях вы правы. Но вам неведомо одно лишь только. И истинно вам это говорю: к нам в юрту каждой ночью чрез верхнее орхо Всевышний Тэнгри нисходил, вокруг сиянье исторгая. Он гладил чрево грешное мое, сияние его в меня входило. Когда ж Луна должна сойтись и разминуться с Солнцем, он, словно желтый пес, виляющий хвостом, поспешно уходил; и яркий свет за ним струился. Ужели нужно что-то молвить боле. Ведь ваши братья – Небесного Владыки сыновья»*³⁵.

Алан гоо и мифологический образ-тотем прародителя монголов Бортэ чоно (Серого волка). Иллюстрация из книги-свитка «Subj I Panjane» (середина XV века), хранящейся во Дворце-музее Топкапы (Стамбул, Турция)

Обращает на себя внимание следующая фраза Алан гоо: *«Когда ж Луна должна сойтись и разминуться с Солнцем, он, словно желтый пес, виляющий хвостом, поспешно уходил...»* Поскольку у монголов табуировано слово «волк» и последний зовется «хангайской собакой», «степной собакой», а в некоторых местах «желтой собакой», можно предположить, что «желтый пес» в устах Алан гоо – это уважительное именование прародителя монголов – Бортэ чоно, рожденного по благоволению Всевышнего Тэнгри. А это, естественно, дало основание Алан гоо говорить, что родившиеся уже после смерти мужа три сына – *«Небесного Владыки сыновья»*.

³⁴ Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. С. 112.

³⁵ Сокровенное сказание монголов // Чингиснама. Свод свидетельств современников. – М.: Эксмо, 2009. С. 50–53.

Глубокие мифологические корни этой легенды были понятны древним монголам, сородичам Алан гоо. Ведь древние монголы (хунну, сяньби, жужан, кидане) и тюрки считали Серого Волка своим тотемом, а впоследствии почитали Вечное Синее Небо как верховное божество – Всевышнего Тэнгри или Небесного Владыку, который дарует жизнь, одушевляет все живое, обычно вместе с Матерью-Землей управляет миром и руководит делами человека³⁶, иногда посылает на землю своего избранника, которому суждено быть вершителем великих дел; такой посланец входит в бытие сверхъестественным образом, примером чему и является предание о рождении троих сыновей Алан гоо.

Упоминание мифологического образа-тотема Бортэ чоно помогло Алан гоо убедить старших сыновей и сородичей в своей непорочности, а также подтвердить право своих младших сыновей, а значит, и их потомков на главенствующее положение среди коренных монгольских родов и племен³⁷.

Таким образом, древние художники пещер и неизвестный автор средневековой монгольской хроники, сохранив следы почитания древних тотемов монголов-кочевников, помогли нам рассказать о таком важном аспекте развития монгольской мифологии, каким являются **образы-тотемы**³⁸.

* * *

Первые этапы генезиса мифологии монгольских народов характеризуются единством предметов и представлений о них. На следующем этапе в упомянутой нами выше совокупности **образ – действие – объект (явление) – мысль** две ее составляющие, **объект (явление)** и **мысль**, стали постепенно отделяться друг от друга, что в то время явилось прогрессом в развитии человеческого сознания. В результате в монгольской мифологии пришел конец такому положению, когда у каждого явления или объекта (предмета) природы был свой собственный «хозяин». Вместо этого у реальных однородных явлений или вещей появился единый «хозяин» – **дух-покровитель**, в единстве с которым они стали изображаться и почитаться. Эти духи – покровители предметов и явлений природы – *предстали образами-духами* в монгольской мифологии. Вначале они представлялись аморфными, бесформенными, не имеющими внешнего облика существами, вызывающими страх, чудовищными и демоническими силами, но впоследствии приобретали внешний облик, становясь зооморфными или антропоморфными существами (как правило, в женской ипостаси).

Именно таким образом в древние времена у монголов появился обряд почитания огня и жертвоприношения **духу – покровителю огня – Отхан Галайхан эхэ**, ставшему прообразом **образа – духа Матушки Галайхан** монгольской мифологии.

Этимология названия духа огня указывает на первоначальное происхождение культа огня у тюрко-монголоязычных племен, где слово «Отхан» (божество огня) является древнетюркским, а слово «Галайхан» (тоже божество огня) – древнемонгольским. Установлено, что «различной трактовке происхождения огня соответствуют и различные представления о внешнем облике божества огня. В наиболее ранних описаниях “между божеством огня и самим

³⁶ Дулам С. Образы монгольской мифологии (на монг. яз.). – У-Б., 2009. С. 82–86.

³⁷ Дулам С. Главная книга монголов // Чингисиана. Свод свидетельств современников. – М.: Эксмо, 2009. С. 26.

³⁸ Отметим, что у многих родственных монгольских народов имеются свои образы-тотемы, объясняющие их происхождение. В частности, у каждого бурятского племени есть свой тотем. Так, у племени эхирит тотемом был пестрый налим. Прочие племена говорили про эхиритов: «У Эхирита мать – расщелина в берегу, отец – пестрый налим». Булагаты имели в качестве тотема сивого подоза; племя хонгодор – лебедя, племя хори – гуся (Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1: Булагаты и эхириты. – Улан-Удэ, 1970. С. 362.

огнем нет различия”». Божество огня обладает всеми свойствами материального огня: блеском, жаром, дымом, оно красного цвета, многоязыкое (языки пламени)³⁹.

Очевидно, что культ духа – покровителя огня – матушки *Отхан Галайхан эхэ* – возник одновременно с началом использования огня монгольскими племенами. Культ духа огня является отражением того периода в жизни древнего рода, когда женщина в обществе занимала главенствующее положение и была хранительницей очага и огня в целом, а мужчины занимались только охотой. Именно поэтому дух – покровитель огня и приобрел облик «эхэ», «матушки», т. е. женское начало.

³⁹ Галдаинова Г. Р. Культ огня у монголов // Исследования по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 4. – Улан-Удэ, 1976. С. 150.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.